

Леви Герман

Германские монополии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г38

Г38 **Герман Л.**
Германские монополии / Леви Герман – М.: Книга по Требованию, 2024. – 199 с.

ISBN 978-5-519-92777-2

ISBN 978-5-519-92777-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловие

Автор предлагаемой вниманию читателей книги о германских монополиях Герман Леви известен рядом своих исследований, в частности серьезным исследованием об английских монополиях (*Monopole, Kartelle und Trusts*, 1911), часто цитируемым Лениным в его книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» и «Тетрадах по империализму». До фашистского переворота в Германии Леви был профессором Гейдельбергского университета, потом он был вынужден эмигрировать в Англию и ныне читает лекции в Кембриджском университете.

В отличие от других буржуазных авторов, написавших горы книг о капиталистических объединениях, Леви сумел уже на довоенном материале разглядеть *монополистический характер* картелей, трестов и концернов. Ограниченный своим буржуазным мировоззрением, профессор Леви конечно далек от ленинского понимания эпохи монополистического капитализма. Он не анализирует *социальных последствий* процесса монополизации производства, не вскрывает тех внутренних и внешних *противоречий*, которые неизменно обостряются в эпоху империализма и в конечном итоге приводят к крушению капиталистической системы, к победе пролетарской революции. Более того, поскольку Леви касается деятельности самих монополистических объединений, он несомненно прикрашивает и апологетизирует *систему монополистического капитализма*.

Тем не менее его работы дают интересный материал для всякого марксистского исследователя *монополий* — этого решающего признака империализма. Это относится к его довоенной монографии об английских монополиях, это же относится к настоящей работе Леви, посвященной германским монополиям. Правда, последняя работа, названная автором «Промышленная Германия, исследование о ее монополистических организациях и о контроле государства над ними», значительно уже своего заглавия. Ни общего обзора

структуры германской промышленности, ни более или менее развернутого анализа проблемы «контроля государства над монополистическими организациями», или, что то же, проблемы *сращивания* монополистического капитала с государственным аппаратом (а по отношению к современной Германии — с *фашистским государством*), читатель в настоящей книге не найдет. Зато в ней имеется систематизированный фактический материал, иллюстрирующий высокую степень концентрации и монополизации современной германской промышленности. Эта (первая) часть книги Леви представляет наибольший интерес, тем более что автор прослеживает основные *этапы* развития германских монополий и, что особенно ценно, анализирует процесс монополизации германской промышленности на сопоставлении *аналогичного* процесса развития монополий в *английской* промышленности.

Автор оспаривает широко распространенную точку зрения, пытающуюся отрицать вообще наличие в Англии монополистических объединений *картельного типа*; ссылаясь на английский «Отчет о трестах» 1919 г., автор указывает, что в Англии уже непосредственно после войны существовало около сотни картелей и что большинство из них начало свою деятельность еще в начале XX в. Бесспорным однако является значительное отставание английской промышленности от германской в области развития процесса картелирования и монополизации вообще. Анализируя причины этого своеобразного явления, Леви приводит ряд факторов, благоприятствовавших мощному развитию картельного движения в Германии; сюда он относит то, что в Германии государство и законодательство никогда не препятствовали картельному движению, в то время как в Англии правовые нормы в известной степени мешали каким бы то ни было ограничениям свободной конкуренции. Дальнейший фактор, обусловивший меньшее распространение картельных соглашений в Англии, Леви видит в том, что в Германии монополистические союзы зародились и развились в важнейших промышленных отраслях, как уголь, калий, железная руда, железо и сталь, основная химия, в то время как в Англии монополистические объединения в этих отраслях не получили до последнего времени значительного развития (за исключением мощного английского химического треста) и существуют в таких отраслях производства, «которые не привлекают всеобщего внимания». Однако сам автор вынужден признать, что отмеченные факторы не являются специфическим и решающим объяснением относительной отсталости английской промышленности в области развития монополий. Не является, как отмечает Леви, этой специфической причиной также пресловутая склонность ан-

глийских предпринимателей к «индивидуальному собственничеству», к системе *laissez faire*. Как раз за последние годы произошел определенный сдвиг в отношении решающих слоев английской буржуазии к проблеме «монополии или свободная конкуренция». Времена манифеста английских банкиров (1926 г.) о свободной торговле канули в вечность. Процессы картелирования и трестификации, которые еще сравнительно недавно квалифицировались широкими кругами британского капитализма как «иностранные», как в корне совсем «неанглийские» явления, становятся за последние годы центральными проблемами английской промышленности. Не случайно британские буржуазные круги с симпатией встретили нашу книгу Макмиллана «Реконструкция», в которой о монополиях говорится следующее: «Мы стоим перед выбором: либо позволить рискованной и несогласованной конкуренции производить дикие скачки от нормального состояния к депрессии, либо же разрешить проблему путем поисков средств, при которых интересы монополистической организации производителей могут быть приведены в соответствие с интересами нации в целом». Констатируя эту эволюцию английских взглядов по вопросам монополистических объединений, Леви правильно подчеркивает, что организация монополий зависит не только от субъективного согласия предпринимателей ограничить свободную конкуренцию посредством организации монополистических объединений.

Однако автор не сумел выяснить основную причину слабого развития монополий в Англии. Эта причина на наш взгляд коренится в специфических условиях индустриального развития Англии: слабость монопольного движения в Англии объясняется относительно низким органическим составом капитала в Англии, относительно низким уровнем концентрации английской промышленности, относительно большой раздробленностью ее предприятий. Все эти явления в свою очередь коренятся в том, что некогда монопольное положение английской индустрии как «мастерской мира» давно ею утрачено вследствие неравномерного развития капитализма и «обгона» Англии более молодыми и более энергичными соперниками — американским и германским капитализмом.

Как раз эти решающие моменты профессор Леви оставляет без анализа при рассмотрении причин «организационного» отставания английской промышленности. Лишь относительно угольной промышленности Англии Леви констатирует провал многочисленных «схем» и «планов» объединения из-за наличия «слишком большого количества производственных единиц».

Центральное место в исследовании Леви занимают главы II—VII, дающие сводные фактические материалы о важнейших монополистических объединениях в германской промышленности. Этот хорошо обработанный автором фактический материал дает наглядную картину *огромной* мощи и безостановочного роста промышленных монополий в Германии. Прежде всего поражает чисто количественный рост германских картелей: по данным Ленина в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма», число картелей в Германии определялось в 1896 г., на заре империалистической эпохи, в 250, в 1905 г. это число возросло до 385 (Леви приводит другую цифру — 353). В 1923 г. союз германских промышленников насчитывал уже 1 500 картелей, а в 1925 г. германское правительство насчитывало в стране 3 тыс. картелей, из которых 2 500 приходятся на промышленность, а 500 — на оптовую и розничную торговлю. Нет сомнения, что большое количество этих картелей принадлежит к низшему типу так называемых «кондиционных» картелей, регулирующих лишь определенные условия производства или сбыта товаров; однако важно отметить, что, по подсчетам Лифмана, в Германии картелями *монополизировано* производство не менее 1 тыс. сортов товаров. Автор правильно подчеркивает, что само по себе число картелей недостаточно для определения степени монополизации соответствующей отрасли производства: для этого определения необходимо установить, какая доля продукции данной отрасли производства контролируется картелями. Кроме того необходимо принять во внимание, что большие вертикальные концерны участвуют одновременно во многих картелях, а, с другой стороны, такие гигантские картельные объединения, как германский Стальной картель (Rohstahlgemeinschaft), имеют несравненно большее значение и большую мощь, чем многие десятки более мелких картелей вместе взятых.

Кроме того монополистическая мощь картелей во многих случаях зависит от степени могущества нескольких крупных участников — членов картельного объединения, фактически контролирующих целую отрасль производства. В качестве примера можно указать на Стальной трест (Vereinigte Stahlwerke), который является фактическим хозяином германского Стального картеля, контролирующего почти всю сталелитейную промышленность страны. Леви указывает на другой пример: господствующее место в производстве мельничного оборудования в соответствующем общенациональном картеле занимает концерн Miag, хотя наряду с ним существует около 30 более мелких предприятий, связанных с группой Miag соглашениями о ценах, но не играющих никакой самостоятельной роли.

Рост промышленных монополий в Германии в значительной степени обусловлен *ростом концентрации* германской промышленности. Леви приводит интересные соответствующие данные по угольной промышленности Германии: удельный вес шахт с добычей до 500 тыс. т в год составлял в 1900 г. 72,77 % общего числа шахт, в 1928 г. он упал до 23,75 %; за тот же период удельный вес шахт, производящих от 500 тыс. т до 1 млн. т, возрос с 27,23 до 60,29 %. Большие успехи имеет угольная промышленность Германии также в области механизации: уже в 1928 г. 77,7 % всей добычи угля в Германии было механизировано (в Англии — лишь 26 %, в США в 1924 г. — около 70 %).

Угольная промышленность Германии является показательной для степени монополизации всей германской промышленности вообще. Еще Ленин в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» писал:

«В руках картелей и трестов сосредоточивается нередко семь-восемь десятых всего производства данной отрасли промышленности. Рейнско-Вестфальский каменноугольный синдикат при своем основании в 1893 году концентрировал 86,7 % всего производства угля в районе, а в 1910 году уже 95,4 %. Создающаяся таким образом монополия обеспечивает гигантские доходы и ведет к образованию технически-производственных единиц необъятного размера»¹.

Интересно проследить судьбу этой крупной угольной германской монополии. Леви указывает, что к началу мировой войны Рейнско-вестфальский каменноугольный синдикат превратился в одно из наиболее мощных в мире промышленных объединений. «Это был, — пишет Леви, — картель наиболее высокого организационного типа, с системой квот, с фиксацией цен, с соглашением о прибылях, с совместной политикой экспорта, с общими сбытовыми организациями». Несмотря на свою исключительную мощь и на подчинение больше половины всей добычи угля в стране, Рейнско-вестфальский каменноугольный синдикат был бессилён предотвратить как чудовищное перепроизводство в кризисный 1907 г., так и выявившиеся в последующие годы острые внутрикартельные противоречия между так называемыми «чистыми» шахтами (Konlenzechen) и теми шахтами, которые были связаны с железоделательной промышленностью (Hüttenzechen). Эти противоречия прозили в 1914 г. полным развалом картеля, предотвращенным лишь войной и опубликованным в июне 1915 г. правительственным законом о принудительном синдицировании угольной промышленности. В течение послевоенных лет роль синдиката все увеличива-

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 87, изд. 3-е.

лась, и в 1930 г. он контролировал уже 99,6% добычи угля Рейнско-вестфальского района и 74,5% добычи угля всей страны, 90% всего германского производства кокса и 82% всего экспорта германского угля¹. В 1934 г. к синдикату присоединились крупнейшие угольные предприятия Аахенского района, в том числе известный концерн «Eschweiler Bergverein».

Не менее интересна история монополизации калийной промышленности Германии. Толчком к объединению предприятий служила сырьевая монополия довоенной Германии в области калия. Первый калийный синдикат возник в 1879 г., объединив два частных и два государственных предприятия. В продолжение последующих 20 лет это число калийных предприятий не превышало 10, затем однако начинается «калийная лихорадка». Перспективы монопольных сверхприбылей привлекают огромные капиталовложения именно в эту отрасль производства: к 1910 г. число калийных предприятий увеличивается уже до 68. Разница в издержках производства приводит к чрезвычайно острым противоречиям внутри синдиката, обуславливающим его распад. В 1910 г. на основе специального калийного закона возникает *принудительный синдикат*. Однако последний не мог предотвратить ни чудовищного перепроизводства, ни нового роста числа предприятий: к 1916 г. число калийных предприятий увеличилось до 207. В итоге еще до окончания мировой войны калийная промышленность Германии являла собой образец «чрезмерной капитализации», т. е. избыточной производственной способности: по подсчетам Лифмана, весь спрос калия мог быть удовлетворен дюжиной мощных предприятий с капиталом в 100 млн. марок. Между тем еще до войны в калийную промышленность Германии было вложено не менее 2 млрд. марок. Послевоенный период характеризуется мощной волной концентрационного движения в калийной промышленности, стимулируемого законом 1921 г. о принудительной приостановке (*Stillelegung*) «неэффективных» предприятий. В настоящее время калийный синдикат фактически контролируется двумя-тремя *гигантскими концернами*: концерн *Винтерсгаля* располагал в 1933 г. в национальном картеле квотой в 41%, концерн *Зальцдетфурт* контролирует 25% всей синдикатской квоты; третьим крупным калийным концерном является группа *Бурбаха*. Государственные (пруссские и ангальтские) предприятия отодвинуты внутри синдиката на задний план.

Интерес представляет общий вывод, к которому пришел

¹ «Новые материалы» к работе Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», Партиздат, 1936, стр. 45, изд. 2-е.

Леви, анализируя развитие процессов монополизации этой отрасли германской промышленности:

«Калийная промышленность далека от процветания за последние годы. Ее развитие показывает, что образование промышленных объединений в форме картелей отнюдь не является радикальным лекарством против депрессии, обусловленной перепроизводством и слишком большим количеством предприятий».

Этот вывод буржуазного экономиста попадает не в бровь, а в глаз социал-демократическим теоретикам «организованного капитализма», сеющими вредные иллюзии об устранении кризисов картелями.

Отличительной чертой монополизации химической и электрической промышленности Германии является преобладание в этих отраслях производства монополий трестовского типа. Основную причину этого своеобразия Леви правильно усматривает в высоком уровне концентрации производства, начавшейся с самого начала развития этих отраслей. В книге Леви читатель найдет интересный материал о развитии одного из крупнейших в мире трестов — германского химического треста¹ И. Г. Фарбениндустри, контролирующего, по последним данным, 80 % всего германского производства синтетического азота, 100 % производства синтетического бензина и красителей, 40 % производства фармацевтических изделий, 25 % производства искусственного шелка и т. д. И. Г. Фарбениндустри принадлежит крупнейший в мире завод синтетического бензина (знаменитые Лейна-верке), который призван разрешить проблему «нефтяной автаркии» гитлеровской Германии. Приведем по «Новым материалам»² ряд дополнительных данных, характеризующих исключительную мощь этого концерна: «Акционерный капитал IG в настоящее время составляет 1 млрд. марок; его основные фонды в 1933 г. составили 402 млн. марок. На химических заводах треста было занято на 1 января 1934 г. 77 тыс. рабочих, а если включить подсобные предприятия (угольные шахты и др.), цифра повышается до 113 тыс. Несмотря на кризис, IG и в 1932 г. и в 1933 г. выплатил довольно высокий дивиденд — 7 % (вместо 12 % в 1929 г.). Сравнительно благоприятное финансовое положение химического треста объясняется конечно большими военными заказами. Его власть простирается далеко за пределы Германии. Он тесно связан с французским химическим трестом Кульмана, с швейцарской, австрийской и норвежской химической индустрией, имеет дочерние предприятия

¹ См. также недавно вышедшую в Соцэкгизе книгу М. С. Рейсер, Германский химический трест.

² «Новые материалы», стр. 53.

в США; в Америке IG связан договорами с трестом Standard Oil Company (синтетическая нефть) и с Фордом (синтетический каучук), а также с английским химическим трестом (красители) и т. д.».

Несмотря на свою огромную монополистическую мощь, химический концерн, как констатирует Леви, не мог устранить конкурентной борьбы в химической промышленности Германии. И. Г. Фарбениндустри сумел уничтожить конкуренцию более мелких предприятий, однако за последние годы он столкнулся с конкуренцией крупных монополий вне химической промышленности, например с угольными монополистами в области производства синтетического азота. Химический концерн вынужден был пойти на временное соглашение со своими конкурентами, включив их в общегерманский азотный картель; с другой стороны, И. Г. Фарбениндустри значительно расширил сферу своей деятельности, проникнув в «чужие» отрасли промышленности (главным образом в каменноугольную и бурогоугольную отрасли).

Развитие электрической промышленности Германии показывает известную аналогию с развитием химической промышленности. Как все так называемые «новые индустрии», она с самого начала развилась на основе мощного процесса концентрации и трестификации. В настоящее время две монополистические группы — концерн А. Е. Г. и концерн Сименс-Шуккерт — контролируют около 80% всей национальной электрической промышленности Германии. Трест А. Е. Г., товарный оборот которого в докризисный период составлял около 600 млн. марок в год и на предприятиях которого в 1929 г. было занято 60 тыс. рабочих и служащих, контролирует также производство звуковых фильмов (через общество «Klangfilm») и немецкую радиопромышленность (через группу «Telefunken»); кроме того он контролирует известные паровозостроительные заводы Борзига (в то время как группа Сименса контролирует паровозостроительную фирму «Maffei Schwarzkopf»).

Чем же объясняется тот факт, что оба эти концерна не пошли на путь слияния, а в отдельных отраслях электро-технической индустрии ведут ожесточенную конкурентную борьбу? Леви (вместе с Лифманом) объясняет трудность слияния этих двух гигантских монополий двумя обстоятельствами — разнообразием товаров, производимых многочисленными предприятиями этих двух электроконцернов, и тесными связями А. Е. Г. с американским электротрестом Всеобщей электрической компанией (General Electric Company). Нам представляется это объяснение недостаточным, так как ни разнообразие производимых товаров, ни иностранные переплетения не помешали например И. Г. Фарбениндустри

поглотить десятки мелких конкурентов и занять доминирующее положение в германской химической промышленности. Бóльшее значение мы придаем тому факту, что, в то время как А. Е. Г. тесно переплетен с американской Всеобщей электрической компанией, концерн Сименса-Шуккерта в финансовом отношении переплетен с главным конкурентом Всеобщей электрической компании — Американской электрической компанией Вестингауза. Кроме того известную роль играют также патентные монополии, находящиеся в портфелях обоих германских электроконцернов. Наконец не последнюю роль играет тот факт, что за спиной А. Е. Г. и Сименса-Шуккерта стоят различные банковские группы¹.

В носящей преимущественно описательный характер главе об участии германской промышленности в международных монополиях автор не подчеркивает и не анализирует того факта, что Германия занимала до войны и занимает в настоящее время ведущее место в экономическом разделе мира международными монополиями². Ведущая роль Германии в международных монополиях имеет ряд оснований, важнейшими из которых являются: высокий уровень монополизации германской промышленности, в частности развитая сеть картелей, огромная заинтересованность германской промышленности во внешних рынках, значительные финансовые переплетения германских промышленных монополий с иностранным финансовым капиталом. Для ряда промышленных отраслей сюда необходимо прибавить специфические причины, обусловленные Версальским договором и территориальными потерями Германии после мировой войны; в частности это относится к франко-германскому соглашению в области калия (эльзасский калий находится ныне в руках Франции). Что касается приводимого Леви фактического материала о международно-монополистических переплетениях германской промышленности, то он страдает известными пробелами; в частности у Леви почти полностью отсутствуют материалы об иностранных связях германской военной промышленности³. Подводя итог описательной части книги Леви, необходимо подчеркнуть, что эта часть ра-

¹ Леви не случайно забывает о банковских связях электроконцернов. Во всем анализе германских промышленных объединений автор, как мы еще увидим, оставляет в стороне важнейшую черту промышленных монополий — их связь с *банковским капиталом*.

² Лифман, как известно, уже к 1910 г. насчитывал около 100 международных картелей с участием Германии. Мы считаем, что в настоящее время это количество скорее увеличилось, чем уменьшилось.

³ Мы здесь не останавливаемся на необходимых дополнениях, так как подробно осветили эту проблему в журнале «Мировое хозяйство и мировая политика» за 1935 г. в статье «Международные монополии в военной промышленности».

боты дает содержательный конкретный материал о тенденциях развития германских промышленных монополий и о степени монополизации важнейших отраслей германской промышленности. Однако ряд теоретических положений автора является бесспорно неправильным.

Обратимся к главе «Некоторые общие выводы», в которой автор как бы подводит теоретические итоги своему анализу динамики германских монополий. В этой главе Леви снова возвращается к вопросу о том, что является основной предпосылкой возникновения промышленных монополий. Он перебирает один за другим многочисленные ответы на данный вопрос, выдвигаемые различными экономистами. Он полемизирует против широко распространенной в немецкой экономической литературе теории, что монополии являются «детьми нужды», т. е. кризиса («Kartelle sind Kinder der Not») — это положение было впервые высказано на собрании союза социальной политики в 1903 г. Кирддорфом, руководителем Рейнско-вестфальского каменноугольного синдиката. В опровержение этой концепции Леви ссылается на германскую химическую промышленность, в основном переживавшую благоприятную хозяйственную конъюнктуру и вместе с тем в сильной степени монополизированную. Для Леви неприемлемо также утверждение, что основной предпосылкой монополизации является таможенный протекционизм; этому утверждению противоречит развитие германской текстильной промышленности, относительно слабо монополизированной, несмотря на таможенную защиту. Он не согласен также с Бекератом, автором вышедшей в 1930 г. работы «Современный индустриализм» («Der moderne Industrialismus»), выдвинувшим «психологическую» концепцию о том, что «наличие у германских промышленников сильного кооперативного (гильдейского) духа, а также милитаристическое воспитание (!), обуславливающее известную готовность к самоподчинению, во многих случаях облегчили возникновение промышленных объединений». Леви указывает, что «субъективная» готовность к картелированию была бы совершенно бессильной, если бы отсутствовали «объективные» обстоятельства, благоприятствующие возникновению монополистических организаций. Леви полемизирует также с концепцией, в свое время выдвинутой Фогельштейном¹, о том, что главной предпосылкой для образования монополистических объединений является контроль над сырьем: динамика химической и электротехнической промышленности опровергает это утверждение. Наконец Леви отвергает так-

¹ В его труде «Die finanzielle Organisation der kapitalistischen Industrie und die Monopolbildungen», часто цитируемом в книге Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма».